

Дом на косогоре. Солнцедар.

«Мой единственный»

Мой прадед по материнской линии Петр Степанович Пушкив выстроил в Малой Вишере дом на косогоре, деревянный, двухэтажный, с мезонином. Он и сейчас стоит, этот дом.

Женился на строгой девушке с серыми глазами, и зажили они чинно, благородно. Ксения Федоровна вошла в дом рачительной хозяйкой, несмотря на свою молодость. Все у нее ладилось, везде был порядок.

Открыл Петр Степанович со временем стеклодувную фабрику.

Дочери Пушкива славились на Вишере своей особой — в Петра Степановича — красотой. Все черноглазые, чернобровые, с косами до колен, певуны, танцорки, веселые, но и строгие, как и их маменька.

Долгими зимними вечерами рассказывал Петр Степанович своим детям семейные предания, «чтоб дальше передавали».

Прапрадеды Пушкивых были лесничими при засечных лесах на подступах к Москве. И ловко их так засекали, что лошади вражьей конницы с разбегу зависали на этих засечных остриях — Москва по этой причине не подвергалась огню и мечу...

Острия «засеченных» топориком деревьев делали они похожими на воевод московских. На этих деревянных воевод даже с дальних сторон приходили поглядеть, подивиться сходству и мастерству...

Стал Петр Степанович на Вишере городским головою, обходительным с людьми, в каждом деле рассудительный, хозяйственный.

Всячески спешествовал постройке каменного здания для городского 3-х классного училища. Изыскал средства на строительство училища и на мощение улицы, и на «расширение местной церкви, на колокол, на иконы и прочее благолепие храма», — так говорится в рукописях Маловишерской думы.

Дочки росли как цветочки в пушковском палисаднике.

Старшую Наталью, чуть исполнилось 16, посватал сын купеческий Николай Варасов. Сам собою красавец и душа-человек. Ушла Наталья первой из родительского дома на косогоре.

Подрастали дочки Петра Степановича Пушкива, выходили замуж или уезжали учиться. Первой поехала учиться Поля.

Не хотел отпускать ее Петр Степанович из под родительского крыльышка.

— Неужто я, Поляночка, не прокормлю тебя?

Добилась все-таки родительского благословения Поля, уехала в учительскую семинарию, основанную принцем Петром Ольденбургским.

Потом пришла еще и Маня. Она просила у отца разрешения ехать в Санкт-Петербург, в Евгеньевскую общину Красного креста.

Глаза у Мани были лукавые, веселые, не омрачались ни на минуту.

Смеялась она как серебряный колокольчик, рассыпчато, звонко. Родители, глядя на нее, улыбались. Смеялась она «в вольную душу», как говорил Петр Степанович.

А тут Петр Степанович не узнал свою шалуню: пришла серьезная...

— Хочу быть, папенька, сestroю милосердия, я и сейчас умею лечить: зубную боль заговариваю, головную боль мигом сниму.

— Колдунья ты наша дорогая, сколько раз меня вылечивала...

Уехала учиться и Маня в Петербург, в общину Святой Евгении, где покровительницей была принцесса Е. М. Ольденбургская.

А в 1904 году прямо из Евгеньевской общины на Русско-японскую войну отправилась, не исполнилось ей еще 16.

— Ох, молода она для войны...

Проводили Маню на войну и затревожились Пушкивы и Варасовы. Стали посылки на фронт посылать: девочка ведь совсем.

Сохранились в нашем семейном архиве письма сестры милосердия Марии Пушкивой с фронтов Русско-японской войны. Живой голос с «сопок Маньчжурии», свидетельницы подвига «Варяга» и героизма русских воинов в этой далекой от нас войне.

Сначала писала она о необычной природе, о том, как устроились в далекой стороне.

Потом об операциях раненых, о том, что забыли власти «про солдатака», и сгорел он заживо на своем посту.

Небо на востоке было необычно глубокое, словно бархатное. Окаймленное вечерами густо-лиловыми и желтыми полосами, оно

походило на сказочную декорацию. Вода тихо плескалась у самых ног между черными мокро-блестевшими камнями, остро-торчавшими из воды.

Доктор уверял, что час морского воздуха снимает отравление хлороформом, которое они получали у операционного стола, возле которого день и ночь сливались для них в какое-то другое измерение: жизни и смерти оперируемого раненого.

Шестнадцатилетняя сестра милосердия — мама моей мамы — писала с Русско-японской войны:

Х а р б и н ь , 5-го марта 1904 г.

Христос Воскрес!

Дорогие мои, сердечно поздравляю Вас и молю Вам из Харбина.

Самой не верится, что в такую даль укатила от своих родных и милой Вишеры. В Харбин приехали 3-го марта и ждем дальнейших распоряжений, куда и когда поедем, еще неизвестно.

Квартиру нам дали порядочную, только спать-то не совсем важно, обедать ходим в офицерское собрание.

Здесь уже запрещена продажа мяса для жителей, но мы получаем, да и жителей-то не осталось, все перебираются к Вам. Чувствуется, что время военное, везде стража.

Сегодня ночью на пятое приходит к нам солдат и так тихо спокойно будит нас: „Сестрицы, вставайте, но вы не пугайтесь, рядом пожар“.

Мы, конечно, сейчас же вскочили, связали свои вещи в десять минут, побежали, но оказалось что горит соседнее здание — контора Главного управления Китайской Восточной железной дороги. Что-то это очень подозрительно...

А солдат же, который стоял на часах у кассы, сгорел, бедный, про него забыли...

Нас сестер собралось в Харбине 100 человек...

Напишите, что у Вас нового, здоровы ли. Пишите по тому адресу, который на конверте, а я буду поджидать письмеца.

Так завидно, все наши получают, да я сама виновата, адрес Вам не написала. Теперь, когда я его получу, чуть ли не через два месяца.

Целую Вас всех. Будьте здоровы. Жду от Вас письма.

Ваша Маня.

А вот письмо, написанное ею через полтора месяца.

Л я о я н ь , 24 апреля 1904 г.
Дорогой Николай Михайлович! (Варасов, муж старшей сестры
Наталии Петровны Пушкиковой)

Спасибо Вам большое за письмо, я получила его 23 апреля,
очень-очень оно меня обрадовало, первое письмо — это получено
от Вас, из милой родной Вишеры.

Постараюсь относиться к делу так добросовестно, чтобы воз-
вратиться на родину с самой чистой совестью.

У меня, Николай Михайлович, все есть, я жалованье получаю,
всего не трачу. Благодарю Вас сердечно за Вашу доброту, только прошу
не отказать мне в моей просьбе, писать чтобы не случилось дома.

Думаю, они всё писать не будут (в это время болел отец, Петр
Степанович Пушкиков).

Будьте здоровы.
Уважающая Вас Маня.

Г у д з я д з ы . 19 октября 1904 года
...Теперь мы от Харбина слишком далеко, но вот на днях от нашего го-
спиталья один служащий может быть туда поедет, и привезет почту...

Как только получу, постараюсь сразу же ответить...

Пришел сегодня поезд с ранеными, мы его сразу же обступили...
Как Поля и ее ученики?..

Будьте добры передать привет от меня...
Ваша Маня.

В это же самое время пресса так освещала события на Русско-
японском фронте: «...На снежных равнинах М у к д е н а разразилась
гроза; предстоящее сражение обещает быть самым кровопролитным,
какое знала история.

Еще 14 февраля ничего не предвещало внезапного поворота.

Но уже 16-го показался сильный японский отряд (1 ½ дивизии),
который двинулся прямо на М у к д е н...». «Русские ведомости»,
21 февраля 1905 г.

«...Со вчерашнего дня японцы бомбардируют весь русский
фронт из тяжелых орудий...». «С.-Петербургские ведомости»,
21 февраля 1905 г.

«...В л а д и в о с т о к . Ввиду недостатка средств в городской
кассе, не позволяющего расход на заготовку жизненных запасов
на случай осады, заботы об этом принял на себя комендант крепости,

испрашивающий ссуду городу из казны...». *«Новости и биржевая газета»*, 22 февраля 1905 г.

«...По М у к д е н у расклеены японскими эмиссарами прокламации жителям покинуть город ввиду предстоящей бомбардировки.

Воззвания рассчитаны на смуту и волнения, так как при удалении позиций на 10–12 верст бомбардировка невозможна...». *«Новое время»*, 23 февраля 1905 г.

«Воспрещено вывозить из В л а д и в о с т о к а фабричные и строительные материалы, бакалейные, мануфактурные и аптекарские товары, съестные припасы, лошадей, фураж, мебель и домашние вещи.

Въезд в город воспрещен.

Не имеющие пропусков и удостоверений на станции М а н ь ч ж у р и я будут задерживаться и возвращаться назад...». *«Правительственный вестник»*, 25 февраля 1905 г.

«Отступление русских началось 23 февраля утром. Японцы преследуют их.

Ояма запретил войскам в значительном количестве располагаться в М у к д е н е, желая предохранить колыбель маньчжурской династии и защитить население. Токио уже празднует победу. Город украшен флагами. *«Новое время»*, 25 февраля 1905 г.

Мария Пушкова пишет 20 марта 1905 года из Х а р б и н а:

Христос Воскрес!

Милая дорогая Наташа...

Я не в силах написать, передать Вам ту картину, то впечатление, которое на всю мою жизнь останется неизгладимым в моей памяти.

Трудно, да я не сумею передать всех ужасов, всех тех страстей, какие мне пришлось видеть при отступлении от М у к д е н а.

Это нельзя сравнить с тем отступлением от Л я о я н ь.

Здесь было что-то ужасное, никогда не виданное мною...

Может быть, когда-нибудь расскажу.

Все собиралась писать всем и никак не могла взяться за перо, потому что кроме этого писать нечего...

Дай Бог, скорее бы конец этой войны, иногда слишком тяжело бывает...

Спасибо Вам всем за всё. Будьте здоровы. Целую всех Вас.

Любящая Вас Маня.

В те же самые дни пресса сообщала:

«Известия о неудачах на Дальнем Востоке производят угнетающее впечатление.

В военном соборе отслужено молебствие о даровании победы в присутствии войск гарнизона и множестве молящихся». Газета «*Новое время*».

«Генеральный штаб определяет численность русских войск, участвующих в сражении, в 300 000 пехоты, 26 000 кавалерии, 1368 орудий». Газета «*Правительственный вестник*» из Т о к и о.

«Русские потери под М у к д е н о м, по официальным японским сообщениям, пленных 40 000, в том числе генерал Нахимов, тел на поле боя 26 500». Газета «*Новое время*» от 3 марта.

Из Х а р б и н а Мария Петровна своей сестре:

...Господи, как грустно бывает. Когда много работаешь, так забываешься. Но во время передышки, отдыха...

Ты пишешь, что вот забыла теперь, когда я смеялась... Прямо себя не узнаю...

Милая Полинька, письма от тебя я уже получаю второй месяц и прошу тебя переменить адрес:

Харбин, Красный Крест, отряд графа Апраксина, старшему врачу Исаченко. Если что, передадут графу.

Может быть, еще не так скоро ты дождешься моего приезда.

А вот короткая красноречивая заметка, напечатанная в газете в июне 1905 года: «Россия непрерывно шлет в Маньчжурию новые войска.

Люди едут в товарных вагонах. Поезда состоят из 30 таких вагонов и одного пассажирского.

Ежедневно отходят 5–7 воинских поездов на Дальний Восток». «*Русские ведомости*», 20 июня, 1905 года.

Через две недели, 6 июля 1905 года из города Х е р с у Мария Пушкина домой:

...В настоящее время работы в нашем госпитале немало.

У меня опять тифозная палата, только тифозные самые слабые, ни одного как-то ходящего.

Боже, сколько я переживала этих смертей, страданий, плакала... всего не передашь. Уверена, что испытала и хорошего, но большую половину худого.

Но не будем так требовательны к жизни, к людям. И эта командировка так не пройдет, многое даст нам. Хорошая школа...

Придется ли когда-нибудь пережить подобное

Будьте здоровы.

Любящая и уважающая Вас Маня.

* * *

Тем временем в Малой Вишере, вернувшись из Тверской учительской семинарии, работала в младших классах начальной школы Пелагея Петровна Пушкина. Она стала преподавать в той же школе, которую до поступления в семинарию окончила сама.

Здесь, в школе познакомилась еще с двумя молодыми учительницами, сестрами Софией Александровной и Марией Александровной Ильиными.

Энергичные, любящие своих маленьких учеников, они были полны горячего устремления сделать что-нибудь полезное. Решили создать библиотеку, пусть сначала небольшую, но главное, чтобы в ней книги были хорошие.

Работа закипела. Собирали деньги, книги, вели списки тех учеников, которые вносили свои пятаки.

Как-то вечером Пелагея Петровна после школы зашла к своей старшей сестре Наталье, бывшей замужем за Николаем Михайловичем Варасовым, который к тому времени стал городским головой.

У него было три дочери — Таня, Наташа и Женя. Две младшие, Наташа и Женя, в это время учились у Пелагеи Петровны читать по слогам и называли ее «тетя-мама».

Они побежали к ней навстречу:

— Тетя-мама, как это прочитать?

И протянули ей свои новые книжки с картинками: сказки Пушкина, детские рассказы Толстого и Куприна.

— Вот бы нам такие книги в библиотеку, — подумала Пелагея Петровна.

За чаем она рассказала сестре и ее мужу, какие у них планы в вишерской школе, как по крупицам собирают библиотеку. Приобрели уже «библиотечку для детей» Льва Толстого...

Толстой продумывал тогда методику преподавания в деревенских школах. Строго спрашивал с учителей, если они с небрежением относились к методическим основам воспитания.

Съезд сельских учителей в Ясной Поляне был событием для той поры небывалым.

— Что же Вы мне ничего не говорили раньше про школьную библиотеку, — попенял Николай Михайлович Варасов, — я и от себя лично могу дать на столь великое дело.

Так Маловишерская, только рождавшаяся тогда, школьная библиотека получила финансовую поддержку. Николай Михайлович Варасов превратился в мецената педагогических начинаний на маленьком кусочке нашей российской земли, настойчиво стремившемуся к культуре...

Сейчас местные вишерские краеведы собирают об этом материалы и публикуют их в газете. В 2000 году отмечался 100-летний юбилей Вишерской, но не школьной, а уже районной библиотеки.

«Дом, где согреваются сердца», «Дорогого стоит», «От дедов к правнукам», — такие заметки об истории создания этой библиотеки можно прочесть в газете «Малая Вишера» за 2000 год...

В Государственном архиве Новгородской области хранится документ, в котором сказано, что над созданием Маловишерской библиотеки ее заведующий И. Е. Купреянов работал «без вознаграждения», а помогали ему в этом учительницы, названо имя Пелагеи Петровны Пушкиковой. У меня даже сердце дрогнуло, когда я это прочитала, работать для детишек «без вознаграждения» — это так свойственно моей дорогой бабушке.

Дата стоит «1900 год», больше ста лет прошло, а ее там помнят. Добрые дела остаются в памяти людской.

Так, архивные документы, письма и семейные предания помогают выпукло, ярко воссоздать семейную хронику на протяжении столетий.

Летом 1906 года Пелагея Петровна с учительницами Ильиными поехала путешествовать на Кавказ. Там случайно они познакомились с бродившим по горным тропам с рюкзаком за плечами Леонидом Никитичем Нарышкиным.

Был он из декабристов, высланных в 1826 году на Северный Кавказ в действующую армию. Предок его, сосланный декабрист, женился здесь на донской казачке, так и осел на Кавказе.

Леонид Никитич Нарышкин учился в Тифлисском юнкерском училище.

В 1905 году юнкеров послали разгонять демонстрантов в Тифлиссе. Встав на колени, они «взяли на прицел». Нарышкин продолжал стоять.

Он отказался стрелять, за что был заключен в тюрьму Метехского замка на берегу Куры и отсидел там больше года...

Встреча Пелагеи Петровны Пушковой с Леонидом Никитичем Нарышкиным была для них знаменательной — через некоторое, очень короткое время он приехал в Малую Вишеру женихом Пелагеи Петровны.

Понравился всем Пушковым.

Соня, сестра Пелагеи Петровны, говорила:

— Уж на что мой Петровский хорош, но и этот не хуже.

Даже младшая, самая балованная, Валечка, художница, которая училась при Обществе поощрения художеств в Петербурге, высказалась в его пользу:

— За такого бы и я вышла.

* * *

Первым пристанищем Нарышкиных на Северном Кавказе стало горное село Пшада. Здесь давнишний друг Леонида Никитича юрист Степан Андреевич Заславский основал толстовскую общину.

Пелагее Петровне, горячей поклоннице толстовского учения и демократических принципов жизни, община пришлась по душе. Пелагея Петровна и Леонид Никитич учили здесь ребят по толстовским методам.

Затем местные власти закрыли толстовскую общину, и Нарышкины стали преподавать в школе на Тонком мысу в местечке с поэтическим названием «Солнцедар».

Патронессой новой, только что выстроенной школы, была приятная пожилая дама Екатерина Николаевна Панютина.

Вокруг школы над рядами виноградников возвышались красивые дачи, выстроенные в разных архитектурных стилях: мавританском, готическом и др.

— Это все наши владения, — сказала Екатерина Николаевна Панютина. — Здесь вам будет спокойно и уютно.

Так началась жизнь Нарышкиных на самом берегу Черного моря.

Первое, что сделали Нарышкины, приобрели полное собрание сочинений своих любимых писателей: Пушкина, Толстого, Достоевского, А. Майкова и Г. Ибсена.

В классы с первого по пятый собиралось всего человек 15–20.

Замелькали дни, полные яркого солнечного света, звона цикад в траве и бархатного журчания волн, набегавших на песчаный берег.

В летнее время в пустовавшую школу приехала к Нарышкиным Манечка — Мария Петровна Пушкива.

Она была первой их гостьей.

— Эта школа как игрушечка, так и хочется вбежать в нее по ступенькам, — говорила она, смеясь своим нежным и чуть печальным смехом серебряного колокольчика.

Навещали Нарышкиных учительницы маловишерской школы София и Мария Ильины, большие любительницы путешествий.

Потом приехала погостить племянница Полинки, тоже учительница, Танечка Варасова со своими младшими сестренками Женей и Наташей...

По субботам Нарышкины всегда были званы Панютиными на музыкальные вечера, которые происходили на готической даче.

Вся дача была отделана в духе готики. Парадные комнаты украшены дубовыми панелями и витражами, изображавшими сцены из жизни Христа.

Винтовая лестница вела в остроконечную башню, из которой открывался чудесный вид на море.

Утром, когда всплывало солнце, все окрашивалось розовым перламутром. Вечером оно медленно опускалось в море, обагрив небо и узкие готические окна дачи оранжево-малиновым цветом.

Зал, в котором устраивались музыкальные вечера, имел орган с серебристыми трубками, занимавшими всю стену. Кессонированный потолок этого зала — Екатерина Николаевна показывала его с особой гордостью — был рассчитан на наилучший резонанс.

Сама Екатерина Николаевна Панютина была музыкантшей высокого класса. Она играла на органе и фисгармонии, но чаще всего на рояле. Екатерине Николаевне можно было «заказывать» не только «божественные фуги» Баха, но и Листа, Чайковского, Шопена, а она только пересаживалась с одного стула на другой, переходя от органа к фисгармонии или к роялю.

Была у нее и арфа, но на арфе чаще играла графиня Негребецкая, красивая, очень немолодая, с огромными глазами...

Время от времени в готической вилле устраивались спиритические сеансы. На них племянница Екатерины Николаевны Панютиной вызывала на разговор дух своего умершего отца.

По круглому столу, за которым устраивались сеансы, «ползало» легкое, китайского фарфора, блюдечко. По периметру стола раскладывались карточки с буквами.

Вслух прочитывались слога и слова, образуемые из тех букв, возле которых приостанавливалось блюдечко...

Однажды во время сеанса порывом грозового ветра распахнуло раму окна. Штора, надувшись парусом, перевернула керосиновую лампу на столике у окна.

Мгновенно вспыхнул пролившийся керосин, пламя его взметнулось к деревянному кессонированному потолку. Раздались испуганные крики, все повскакивали со своих мест. Край шторы, окунувшийся в разлитый керосин, пылая, разбрасывал огненные искры во все стороны.

Леонид Никитич кинулся закрывать окно. Взвившаяся штора обсыпала его снопом искр.

Пелагея Петровна бросила на горящий пол подушку с дивана и руками стала хлопать по огню на круглом столике...

Когда в дыму больше не стало видно вспыхивавшего пламени, оба вдруг остановились.

— Пожар потушен, — улыбаясь сказал Леонид Никитич...

Домой возвращались под сильным ливнем. У Пелагеи Петровны вздулись волдыри на ладонях.

На другой день к ним пришла Екатерина Николаевна, принесла «чудотворную» мазь от ожогов:

— Вы спасли мою готическую виллу от пожара.

Жизнь снова покатила тихо и мирно...

Как-то в школу постучался маленький мальчик. Подмышкой он держал большой бухгалтерский журнал: «Дебет — кредит». Долго вытирал босые ноги о половик. Потом спросил:

— Кто из вас учительница?

Маленькие племянницы Пелагеи Петровны, смеясь, побежали к ней:

— Тетя-мама, там к тебе ученик важный!

— Здравствуй, учительница, будем писать?

Он раскрыл свой «Дебет — кредит» и, вопросительно глядя на учительницу, держал наготове карандаш.

— Напиши, Миша, то, что ты можешь написать.

— Я могу букву «О», — солидно заявил Миша.

Женя и Наташа, которые давно умели и писать и читать, засмеялись.

— А вы, милые девочки, выйдете и не мешайте нам заниматься. Вот тебе тетрадка, Миша, в косую линейку. Будешь дома писать букву «О». Понял?

Пелагея Петровна показала Мише, как должна лежать тетрадка, и как карандаш должен смотреть Мише в плечо.

Закрыв свой журнал, он спросил:

— Тетрадку ты насовсем мне дала?

Сложив все свои атрибуты учения, Миша чинно проследовал к двери.

— Завтра приду. Жди.

Когда дверь за ним закрылась, Женя и Наташа стали смеяться:

— Он будет приходить к тебе все лето?

— Разве я должна была ему сказать: завтра не приходи, приходи осенью. Осенью он у меня уже и читать и писать будет.

Леонид Никитич и Пелагея Петровна много работали в школе. Они оборудовали «уголок труда». Екатерина Николаевна согласилась купить для школы токарный станок и швейную машинку.

Мальчики вытачивали кегли для игры на площадке перед школой, девочки с упоением шили на машинке из старого что-нибудь «новое».

Когда зимой на каникулы приехала в Солнцедар сестра Пелагеи Петровны Валя, художница, стали готовить новогодний спектакль. Валечка с девочками шили костюмы. В этом деле она была мастерица.

Леонид Никитич оборудовал сцену с раздвигающимся занавесом как в настоящем театре.

К елке готовились и дети, и взрослые.

Новогодняя елка прошла так весело, что ребят невозможно было отправить домой. Пришлось по подсказке Леонида Никитича погасить лампу. Тут поднялся переполох:

— Ой, а где мой подарок?

— А мой?

Лампу зажгли, нашли свои платки, шапки, шубейки, обувку и полные впечатлений уходили, прижимая к себе кулечки с подарками...

Но вскоре случилось страшное... Страшнее мало что бывает... Война!!!

Первая мировая война!

Узнали об этом Нарышкины почти так, как описал это Иван Бунин в рассказе «Холодная осень».

Леонид Никитич вышел с газетой в сад и через несколько минут вернулся:

— Ну, господа, война...

В первые же дни он ушел на фронт...

Уехала на фронт Первой мировой войны сестрой милосердия и Маня — Мария Петровна.

«Сестра милосердия» — святое тогда понятие. Великая княжна Ольга, младшая сестра императора Николая II, тоже добровольно отправилась на фронт сестрой милосердия и вся целиком ушла в дело спасения «наших русских солдатиков».

Многое рассказывала Маня своей сестре о Первой мировой войне, чего не могла написать в письмах, особенно про раненых солдат.

Как драгоценные исторические свидетельства эти воспоминания:

— Снимаю всю насквозь пропитанную кровью шинель, осторожно снимаю, боюсь лишнюю боль причинить, ножницы взяла, чтоб ее разрезать. А он меня уговаривает: „Не режь, доченька, шинелка добрая, высохнет — другому еще послужит“.

Знаешь, каждый из них — все равно, что Христос. Но никто не может ни оживить погибшего, ни сделать из инвалида снова здорового...

— Не говори, Манечка. Я тоже думаю, пускай без рук, без ног, лишь бы живой остался.

— Не бойся, Полинька, все будет хорошо. Я ведь наперед умею видеть...

В ту войну, Русско-японскую, едем в машине, — продолжала Мария Петровна, — трясемся, а я сплю. И снится мне сон, что мы приехали в Харбин в гостиницу. Так я даже буквы иностранные в ее названии во сне увидела.

А тут мы и приехали: „Сестрица, просыпайтесь!“ Открыла глаза, глянула в окошко, а там здание, которое мне только что снилось — ступеньки, окно в два этажа и даже то же название над входом.

Ты мне верь, Полинька, вернемся мы с Леонидом Никитичем с войны живыми и здоровыми, — и она ласково улыбнулась. — Я ведь „колдунья“. Ясновидящая.

Она верила в свою защищенность и в то, что может защитить, спасти других. Это была ее звезда.

В другой раз она говорила своей любимой Полиньке:

— На войне рождается братство... Помнишь, есть картина „Забытый“. На выставке в Петербурге показывали. Не дай Бог на войне оказаться забытым...

Увидишь на поле, изрытом снарядами, лежит наш солдатик. И бежишь по полю без прикрытия, словно голая...

Бежишь, а перед тобой взрываются фонтанчики. Повернешь лицом — живой! Совсем мальчишка, в лице ни кровинки... Где-то в России мать молится Богу, лишь бы вернулся... Теперь на спину его, и потащишь... Высокий, ноги волочатся. Дотащила и на операционный стол, сделала свое дело. Ему же, бедному, еще много страданий претерпеть, пока поправится. Но самое главное — жизнь спасла.

— Знаешь, — говорила она, — мне кажется, что весь смысл моей жизни в этом и состоит. Жизнь — смерть. Смерть — жизнь...

Рассказала она Полиньке и о том, что познакомилась на германском фронте с кавалерийским офицером Владимиром Михайловичем Прокудиным-Горским:

— Как только увидела его, сразу же поняла — он единственный в мире для меня.

* * *

Мария Петровна еще не закончила ужинать, когда в залу вошел тот, с кем она познакомилась в офицерском собрании еще до войны.

Сегодня она из окна вагона видела, как он выходил на одной из станций, а потом вскочил в поезд на ходу.

Она вспомнила, как они танцевали с ним мазурку в Орле. Она была в своем белом воздушном платье, в котором всегда чувствовала себя счастливой. Платье, как облако, вилось вокруг нее.

Это был один из губернских балов, куда ее привел старший врач бригады, с которым она была командирована тогда в Орел.

Представленный ей на балу Прокудин-Горский как-то незаметно, но быстро отстранил от нее врача, каждый раз спрашивая у него разрешения пригласить его даму.

Сейчас, когда он входил в ресторацию, Мария Петровна еще раз вспомнила тот блестящий бал у губернатора и Прокудина-Горского с его подчеркнутой почтительностью, так понравившейся ей тогда.

Слова, с которыми он обратился к ней теперь, ей тоже понравились:

— Бог вторично послал мне Вас.

На другой день, спускаясь по лестнице, и видя себя сразу в нескольких зеркалах на поворотах, она была в приподнятом настроении, которое ей придавало и это белое «зачарованное» платье, и то, что рядом был Владимир Михайлович...

В этот раз он пригласил ее пройтись по парку, и она охотно согласилась. Прокудин-Горский был человеком хорошо воспитанным, светским и сдержанным.

— Этот вечер мы с вами может быть всегда будем вспоминать... — и, помолчав, вдруг спросил: — Вы были когда-нибудь на скачках?

— Была, а что?

— В Орле?

— В Орле.

— Значит, я знал Вас еще до того, как мы встретились с Вами на балу.

— Каким образом?

— Я сидел на скачках за Вами. Вы были в белой шляпе с большими полями.

Она засмеялась:

— Это я! Но как Вы запомнили?

— Запомнить Вас не трудно, трудно забыть. А Вам понравились тогда скачки?

— Очень. Я люблю лошадей. Правда, славное существо — лошадь?

Ему понравилось, что она лошадь назвала существом.

— Я тоже люблю лошадей, — сказал он. — Вот мы с вами нашли общую любовь. Это роднит людей. Если доживем до конца войны...

— У сестер на войне путь короткий.

— Не говорите так, — почти испуганно произнес он.

— Вы суеверны? — спросила она.

— Нет, а, может быть, да. В особых случаях.

— Так что будет, если доживем? — спросила она.

— Тогда поедем в Орел. Пойдем на скачки... Я покажу Вам замечательных рысаков чистойшей орловской породы.

Все, что они говорили в этот вечер друг другу, было как-то особенно интересно и важно им обоим.

— У лошадей перед человечеством есть еще одна заслуга, — сказала она, прощаясь.

— Какая?

— Они нас сдружили.

И они оба засмеялись.

— Нас с Вами сдружила любовь, — ответил он спокойно и просто.

Он был старше Марии Петровны на 10 лет, был к тому времени уже разведен. Его бывшая жена, дочь коллежского советника, Наталия Ивановна, в девичестве Флоринская, вместе с двумя дочками уехала в Москву.

Любовь Владимира Михайловича Прокудина-Горского и Марии Петровны Пушкинковой родилась среди суровых событий войны, но другой молодости и любви у них не было.

У каждого человека только одна любовь и только одна эпоха, та, в которой он родился.

Их называли «Ромео и Джульетта», не подозревая даже, что называли пророчески.

Мария Петровна писала своей сестре Полинке и с этой войны, Первой мировой, такие же ласковые письма, как 10 лет назад, в войну Русско-японскую.

Владимир Михайлович был в курсе всех деталей жизни Пелагеи Петровны, потому что Марии Петровне очень хотелось, чтобы он, «ее единственный», также понял и полюбил ее Полинку, как и она сама.

19.IV.15 г.

...Владимир Михайлович спрашивал у меня уже два раза не получила ли я от тебя письма...

В Петрограде опять-таки не удалось побывать у Танечки (Варасовой), но она все-таки несмотря на это пришла на вокзал проводить меня.

Конечно, я ей очень благодарна...
Целую тебя, моя дорогая...
Привет от Владимира Михайловича.
Будь здорова.

Маня.

Когда Мария Петровна и Владимир Михайлович решили пожениться, первыми их поздравили Пелагея Петровна Нарышкина и давний друг Прокудина-Горского Дмитрий Иванович Несвицкий.

— Для меня Мария Петровна, — сказал он, — быть может, один свет в окошке. Ты, Вольдемар, у своей татап в шелковой рубашечке с кружавчиками родился.

А Владимир Михайлович, обычно не расположенный к душевным «выплескам», рассказал Марии Петровне то, что ему так давно хотелось рассказать ей.

Бродя по родной Орловщине, он увидел в одной из церквей икону Богоматери, которая, как ему теперь казалось, очень похожа на Марию Петровну. Он подумал тогда, «если бы я встретил такую женщину, с таким лицом, с таким выражением глаз, я бы посвятил ей жизнь». В этом, он считал, было предзнаменование судьбы.

— И вот я встретил Вас, — говорил он...

— В Орловской губернии? — переспросила Мария Петровна. — Там давным-давно мой отец еще в своей молодости «художничал», расписывал купола в небесный цвет с крупными серебряными звездами.

Как-то ему пришлось «поновить» икону старого мастера. И получилось. С тех пор его стали звать «богомазом», иконы у него получались выразительными. Глаза ласковые, страдающие, и, знаете, на моих сестер чем-то похожи.

— На Вас, на Вас похожи те лики...

Владимир Михайлович подал прошение об отставке, но его, «храброго кавалериста», не сразу отпустили. А он говорил, что боится только одного — потерять Марию Петровну, свое счастье.

Марию Петровну и Владимира Михайловича все поздравляли с такими счастливыми лицами, словно это они сами нашли неожиданно свое личное счастье.

В один из дней, который обещал быть спокойным, начался обстрел. Владимир Михайлович, как он сам сказал, «поцарапался».

— Ничего, ничего. Немного терпения, офицер, — говорил, осматривая его, врач. — И как же это вы умудрились? Вот и все. Сестра, проводите его.

Они вышли из «Хирургии» и, перешагивая через разбитые ступени, медленно побрели по неузнаваемо разрытой улице...

За спиной горел пакгауз, и седые клубящиеся клочья дыма догоняли их вместе с удушливым запахом горячей резины...

Пройдя немного, они обнялись и постояли так молча, а потом он проговорил:

— Какое счастье... что «Хирургия» цела осталась...

— Где твоя фуражка, Володя?

— Я, наверное, ее потерял, — сказал он тихим виноватым голосом. И добавил:

— Все хорошо, что хорошо кончается.

Марии Петровне эта поговорка напомнила ее сестру Полю, которая любила так говорить, и она душой снова вернулась к жизни.

Прокудин-Горский теперь решил, что должен идти в отставку и позаботиться, чтобы Мария Петровна никогда больше не оказывалась на войне. Страх перед возможностью ее потерять вернул Владимиру Михайловичу твердость решений...

Подписывая прошение Прокудина-Горского об отставке, генерал сказал:

— Сердечно поздравляю... Достойную спутницу жизни выбрали.

Расчувствовавшись, старый генерал по-отцовски обнял его и хлопал по спине.

Прокудин-Горский приложил руку к козырьку и, звякнув шпорами, вышел из кабинета генерала.

Обвенчались они с Марией Петровной в небольшой изящной церкви с позолоченным куполом...

Но по пути туда они попали в сильную метель и сбились с дороги. Вьюга мела и кружила, ветер с воем бросал в лицо клочья снега...

И вдруг на несколько минут нависшие тучи расступились, а снег, падавший с небес белой завесой, прекратился...

Церковь стояла среди порывов ветра и пурги спокойно и приветливо, стены ее светились во мгле ровным белым светом, а над ней между веток, обсыпанных снегом, в глубоком бархатном небе сияли

звезды. Одна из них, самая крупная и яркая чуть дрожала в вышине, словно указывая им путь...

— Перст нашего Господа Бога, — перекрывая общий гул, провозгласил глубокий бас священника. — Великое счастье любви предскажется вам, дети мои.

Все, что происходило дальше, шло под знаменем этого удивительного события. Мария Петровна просила зажечь все свечи. И казалось, что они стали гореть ярче и ослепительнее.

Печальный лик Богородицы в серебряном окладе бесконечно ласковым взглядом благославлял жениха и невесту...